

Андреас КАППЕЛЕР

ЮЖНЫЙ И ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР РОССИИ В XVI – XVIII ВЕКАХ*

Экспансия России на восток и юг в XVI – XVIII вв. была важным этапом становления империи, а одной из ее центральных проблем стала проблема постепенного расширения евразийских границ. Какие образцы политического, экономического и культурного взаимодействия и какие специфические социокультурные организационные формы возникали на этих границах? В какой степени концепт *фронтюра* помогает понять устройство царской империи? Возможно ли сравнение российского фронта с подобными феноменами, например с границей между Венгрией/Габсбургской монархией и Османской империей или с христианско-исламской границей в Испании?¹ Насколько совместим опыт российского фронта с историей европейской экспансии и присущими ей формами культурных контактов и культурных границ?²

* Переработанная версия статьи: Andreas Kappeler. Rußlands *Frontier* in der Frühen Neuzeit // Ronald G. Asch u.a. (Hrsg.). *Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt*. München, 2001. S. 599-613 (= *Der Frieden. Rekonstruktion einer europäischen Vision* Bd. 2.).

Перевод А. Каплуновского.

¹ William H. McNeill. *Europe's Steppe Frontier 1500-1800*. Chicago, London, 1964.

² Wolfgang Reinhard. *Geschichte der europäischen Expansion*. Bd. 1-4. Stuttgart u.a., 1983-1990; Urs Bitterli. *Alte Welt - neue Welt. Formen des europäisch-überseeischen Kulturkontakts vom 15. bis zum 18. Jahrhundert*. München, 1986; Jürgen Osterhammel. *Kulturelle Grenzen in der Expansion Europas // Seaculum*. 1995. Bd. 46. S. 101-138.

По меньшей мере, попытка такого сравнения уже предпринималась в отношении североамериканского фронта.³

Понятие фронта, введенное в научный оборот Фредериком Джексоном Тёрнером (*Frederick Jackson Turner*) более чем столетие назад в Америке, модернизированное и перенесенное затем Оуэном Латтимором (*Owen Lattimore*) и некоторыми другими исследователями на Евразию, отличается от понятия государственной границы прежде всего тем, что оно описывает переходную зону, которая, как правило, не интегрирована ни в одно из государственных образований и имеет динамический характер.⁴

Фронт как инструмент исторического анализа (также и в российском случае), может быть рассмотрен с различных точек зрения:

- как географический фронт между различными климатическими и растительными зонами, в российском случае, особенно, между лесом и степью;
- как социальный фронт между различными жизненными укладами и системами ценностей, особенно между оседлым населением и кочевниками или охотниками;
- как военный фронт между двумя военными объединениями;
- как религиозный и культурный фронт между различными ценностными и культурными традициями.

Исходя из доминантных функций фронта с точки зрения наступающего оседлого мира необходимо различать между *военным фронтом* (*military frontier*), *фронтом интенсивной эксплуатации* (*extractive frontier*) и *поселенческим фронтом* (*settlement frontier*). Юрген Остерхаммель (*Jürgen Osterhammel*) предлагает три универсальных типа культурной границы: имперская “варварская граница”, национально-государственная территориальная граница и граница вклю-

³ Dietrich Gerhard. The Frontier in Comparative View // *Comparative Studies in Society and History* 1958/59. Vol. 1. Pp. 205-229; Неудовлетворительный анализ: Joseph L. Wiczynski. *The Russian Frontier. The Impact of Borderlands upon the Course of Early Russian History*. Charlottesville, 1976.

⁴ Frederick Jackson Turner. *The Frontier in American History*. New York, 1962; Owen Lattimore. *The Frontier in History* // *Comitato internazionale di scienze storiche. X Congresso internazionale di scienze storiche Roma. Relazioni*. Bd. 1. Firenze, 1955. Pp. 105-138; J. R. V. Prescott. *The Geography of Frontiers and Boundaries*. London, 1965; William W. Savage, Jr., Stephen I. Thompson. *The Comparative Studies of the Frontier: An Introduction* // *The Frontier. Comparative Studies*. Bd. 2. Norman, 1979. Pp. 3-24.

чения фронта (*Erschließungsgrenze des eigentlichen Frontiers*).⁵ Обе классификации применимы к российскому случаю.

В исторических источниках и в основанной на них историографии ситуация фронта очень долго описывалась как постоянная конфронтация и зачастую (также и у Тёрнера), как неотъемлемая часть *mission civilisatrice* превосходящей оседлой христианской цивилизации. Сегодняшнее внимание к фронту связано, прежде всего, с его опытом зоны коммуникации и взаимодействующего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой.⁶

В то время как европейская экспансия и ее столкновение с неевропейским миром довольно широко освещена в (европейских) источниках, культурный контакт русского фронта вплоть до первой половины XVIII в. описан только тезисно. В Московской Руси раннего Нового времени не находится практически никаких свидетельств рефлексии культурной дифференциации и конструирования культурной границы. Таким образом, мой анализ ограничивается описанием и классификацией различных типов фронта, которые сформировались в раннее Новое время. При этом я различаю две основных формы фронта: степная граница на Юге и Юго-Востоке и лесная граница на Северо-Востоке и Востоке. В следующих разделах я постараюсь коротко охарактеризовать оба типа.

Степная граница

Степная граница России на Юге и Юго-Востоке была:

- географической (между лесом и степью);
- социально-экономической (между оседлым и кочевым образом жизни и формами хозяйства);
- религиозно-культурной (между христианизированными русскими и тюрко-монголызычными мусульманами, буддистами или анимистами); и
- военно-политической.

⁵ Osterhammel. *Kulturelle Grenzen*. S. 108-114.

⁶ Њi.: Frederik Barth (Ed.). *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*. Bergen at all, 1969; Charles J. Halperin. *The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Religious Frontier // Comparative Studies in Society and History*. 1984. Vol. 26. Pp. 442-466.

Этот фронтир играл со времен средневековой Киевской Руси одну из центральных ролей в историческом опыте восточных славян.⁷ Если поначалу полоса расселения восточных славян простиралась вплоть до степи, то начиная с XII в. она смещается на Север и Запад. В результате монгольского завоевания Руси и установления господства степи над оседлыми восточными славянами, юго-восточный фронтир потерял свое основное значение как военная граница. Только после распада Золотой Орды в XV в. начинается обратное движение русских в направлении степи. Великий князь московский, претендовавший на наследство Золотой Орды, выстроил засечные черты и укрепил сторожевые заставы для отражения татарских набегов. В период между серединой XVI и концом XVII вв. военная граница постепенно сместилась в направлении степи. Гарнизоны пограничных крепостей комплектовались из московских служилых людей недворянского происхождения – казаков и стрельцов. Территория по эту сторону пограничной линии постепенно осваивалась русскими поселенцами. Распашка русскими поселенцами незащищенной степной территории к северу от Черного и Каспийского морей началась только с конца XVIII в. До этого степное пространство продолжали контролировать кочевые империи – наследники Золотой Орды – Крымское Ханство (исламизированные крымские татары) и Ногайская Орда (ногайские татары), а с XVII в. к ним добавилось Калмыцкое ханство (ламаисты – калмыки).⁸ В раннее Новое время кочевники превосходили русских в военном отношении и не допускали заселения плодородного черноземья, за исключением окраинных областей и речных долин. Поэтому, в отличие от динамически продвигающейся границы (Тёрнер), русский степной фронтир представлял собой только медленно продвигающуюся военную границу.

С одной стороны, взаимоотношения русских и степных кочевников носили конфликтный характер: набеги кочевников и превентивные

⁷ The Frontier in Russian History (= Russian History. 1992. Vol. 19) – основной упор на средневековье, за исключением: Michael Khodarkovsky. From Frontier to Empire: The Concept of Frontier in Russia, Sixteenth - Eighteenth Centuries // Ibid. Pp. 115-128; Denis J. B. Shaw. Southern Frontiers of Muscovy // James H. Bate and R.A. French (Eds.). Studies in Russian Historical Geography. Vol. 1. London et al., 1983. Pp. 117-142. Ср. также с недавно опубликованной монографией Michael Khodarkovsky. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500-1800. Bloomington, Indianapolis, 2002.

⁸ Общий контекст см.: Andreas Kappeler. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992. S. 25-56.

удары оседлого населения. Кочевники и полукочевые крымские татары нападали на русских и украинских крестьян, разоряли их имущество и уводили тысячи людей, которых затем продавали в рабство. С другой стороны, степной фронт был зоной интенсивного коммерческого и дипломатического взаимодействия. Так, например, русские поселенцы и кочевники в равной степени зависели друг от друга: одни нуждались в продукции кочевого скотоводства (прежде всего, в лошадях), а другие охотно приобретали у поселенцев зерно, оружие и ткани.

Пограничные сообщества вольных казаков

Начиная с конца XV в. вдоль рек на степной границе (Днепр, Дон, Волга, Терек и Яик) формировались специфические пограничные сообщества вольных казаков. Я не рассматриваю случай приднепровских казаков, поскольку они не относятся к российскому контексту, а связаны с польско-литовской и украинской историей.

На начальном этапе формирования к казакам принадлежали татарские воины – термин *qazaq/казак* (свободный человек) имеет татарские корни.⁹ Но очень скоро в этих сообществах стали преобладать православные восточнославянские крестьяне и горожане, бежавшие на степную границу от налогового бремени и крепостной зависимости. Здесь они, по меньшей мере на какой-то период, были вне досягаемости московского государства и помещиков. Они проживали в укрепленных поселениях, расположенных на берегах рек, занимались рыболовством, пчеловодством и охотой и периодически совершали (пиратские) набеги на степных кочевников, крымских татар и османов. В культурном, бытовом и экономическом укладе казаков соединялись элементы оседлой восточнославянской и кочевой культур. Казацкие сообщества оставались на всем протяжении раннего Нового времени открытыми для нерусских степных кочевников. С XVII в. они стали приютом для староверов, преследуемых московским государством и православной церковью.

Казацкие войсковые объединения, у которых в XVII в., по меньшей мере на Дону, наблюдаются тенденции государственного строитель-

⁹ Günther Stökl. *Die Entstehung des Kosakentums*. München, 1953; Peter Rostankowski. *Siedlungsgeschichte und Siedlungsformen in den Ländern der russischen Kosakenheere*. Berlin, 1969; Carsten Goehrke. *Die russischen Kosaken im Wandel des Geschichtsbildes // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte*. 1980. Bd. 30. S. 181-203.

ства и этногенеза, создали военную демократию, которая фундаментально отличалась от ранненовременной московской автократии.¹⁰ Собрание всех казаков (сечевой круг, казацкое коло, рада) принимало важнейшие решения и выбирало предводителя, атамана. Казаки, у которых уже на ранних стадиях наблюдались процессы социальной дифференциации, соответствовали в некотором отношении идеалу мобильного, равноправного пограничного сообщества фронтального типа. Тёрнеровский тезис о фронтире, выполняющем в базисном обществе функцию социального фильтра, можно применить к России, поскольку основная масса казаков состояла из беглых.

Московское государство использовало казаков как пограничную стражу, а позднее и как наемников. Их следует отличать от так называемых служилых казаков, которые направлялись московским царем в качестве “служилых людей по прибору”, в первую очередь, в пограничные гарнизоны. Правда, обе категории казаков не всегда поддаются четкой идентификации. В противоположность служилым казакам свободное казачество вело вплоть до середины XVIII в. независимое от Московского государства существование. Казаки, которых вслед за Хобсбаумом можно рассматривать как *социальных бандитов*,¹¹ являлись главным источником социальной и политической смуты в Московии. Из их среды вышли предводители и ударные войсковые отряды всех основных народных восстаний в России раннего Нового времени, как, например, во время восстаний под предводительством волжского казака Степана Разина (1670-71 гг.) или донского казака Емельяна Пугачева (1773-75). Наряду с нерусскими народами окраин, к ним присоединялась также и часть служилых казаков. Идеал свободного казачества играл важную роль в призывах восставших к зависимому русскому населению, которое сразу переводилось в контролируемых восставшими областях в категорию казаков. Таким образом, военно-демократическая организация казаков в раннее Новое время представляла альтернативу крепостничеству и автократии.

¹⁰ См. об этом: Udo Gehrman. Die Wiedergeburt der Kosaken: Regionaler Tradiutionalismus und ständischer Patriotismus im Spannungsfeld Rußlands // Andreas Kappeler (Hg.). Regionalismus und Nationalismus in Rußland. Baden-Baden, 1996 (= Nationen und Nationalitäten in Osteuropa 4). S. 199-223, здесь S. 199-206.

¹¹ Eric J. Hobsbawm. Bandits. Harmondsworth, 1985.

Россия и степные кочевники

Отношения России со степью в XVI-XVII вв., например, ее взаимоотношения с кочевавшими к северу от Каспийского моря исламизированными ногайцами – хорошо отражены в источниках.¹²

Традиционные набеги кочевников на русские территории, приносившие рабов и скот, вызывали ответные набеги русских казаков в степь. Но, гораздо важнее были регулярные дипломатические и коммерческие отношения. Во второй половине XVI в. в Москву ежегодно направлялось посольство ногайских татар, которое насчитывало более ста человек. Его сопровождали торговцы, поставлявшие в Россию лошадей (свыше 20.000 в год) и вывозившие готовые изделия, оружие, предметы роскоши и зерно.

Московия была заинтересована в ногайских татарах, как в превосходной военной кавалерии. Многочисленные подразделения ногайцев состояли на службе у Московского государства и сражались в качестве вспомогательных войск во время военных конфликтов с Речью Посполитой и Швецией. Некоторые татарские аристократы полностью перешли на русскую службу, как, например, два сына князя Юсуфа во второй половине XVI в., которым были пожалованы большие владения в центральных областях России с сотнями русских крестьянских дворов. Только во второй половине XVII в. эти мусульманские князья, предки российского княжеского рода Юсуповых, перешли в православие.

Изначально дипломатические отношения между Московским государством и ногайскими татарами носили равноправный партнерский характер. Между тем, русская политика в рамках борьбы за наследие Золотой орды была нацелена на подчинение кочевников. С точки зрения Москвы, принесение ногайскими князьями в 1557 г. и позднее клятвы о подчинении свидетельствовали об окончательном признании ими верховенства московских царей. Однако с точки зрения ногайцев речь шла только о временных союзах, которые могли быть расторгнуты в любой момент. Столь различные правовые представления – оседлое патримониальное и кочевническо-данническое – сосуществовали па-

¹² А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948; Б.-А. Б. Кочекаев. Ногайско-русские отношения в XV – XVIII вв. Алма-Ата, 1988; Andreas Kappeler. Moskau und die Steppe. Das Verhältnis zu den Nogai-Tataren im 16. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1991. Bd. 46. S. 87 - 105; В. В. Трепавлов. История Ногайской орды. М., 2001.

раллельно и характеризовали еще в XVII и XVIII вв. отношения России с калмыками и казаками. В рамках этого сосуществования воспроизводились почти все описанные выше образцы отношений.¹³

Не много известно о культурном обмене; есть основания полагать, что религиозная граница между христианством и исламом или ламаизмом затрудняла интенсивный культурный трансфер. Единственным исключением в раннее Новое время была смешанная культура казаков, о которой, однако, очень мало известно. Несмотря на наличие религиозной границы, христианская Россия оставалась на удивление открытой по отношению к исламу. Таким образом, “святая Русь” терпимо воспринимала в составе своего дворянства мусульман, которым принадлежали крестьяне, исповедовавшие христианство.¹⁴ Подобная терпимость по отношению к исламу, насколько мне известно, не имела аналогов в Европе раннего Нового времени и отличает российскую ситуацию, например, от испанской.

Данную особенность можно объяснить традиционным прагматическим сотрудничеством Великого княжества Московского с исламизированной Золотой Ордой, которой оно подчинялось на протяжении более чем двух столетий. В ходе попыток завладения наследием Золотой орды Россия продемонстрировала толерантное отношение к татарской аристократии, особенно к князьям-Чингизидам, и кооптировала их как мусульман в высшие дворянские слои. Похожая ситуация наблюдалась и после московского завоевания Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в., когда московский царь даровал представителям исламской элиты земли с русскими крестьянами. В отличие от этого, русским помещикам запрещалось закрепощение мусульман и язычников. Хотя русская православная церковь и пропагандировала христианизацию мусульман, она добивалась лишь временной и sporadicческой поддержки государства.¹⁵ В целом, религиозная политика Москвы в XVI и XVII в. оставалась гибкой и прагматичной. При-

¹³ Michael Khodarkovsky. *Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600-1771*. Ithaca, London, 1992; Martha Brill Olcott. *The Kazakhs*. Stanford, Calif., 1995. Pp. 28-53.

¹⁴ Hans-Heinrich Nolte. *Religiöse Toleranz in Rußland 1600-1725*. Göttingen, 1969; idem. *Verständnis und Bedeutung der religiösen Toleranz in Rußland 1600 – 1725 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1969. Bd. 17. S. 494-530; Andreas Kappeler. *Rußlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert*. Köln, Wien, 1982.

¹⁵ Kappeler. *Rußlands erste Nationalitäten*.

оритетными вопросами оставались укрепление власти над нехристианскими подданными и экономическая эксплуатация их территориальных ресурсов, но ни в коем случае не религиозная или языковая гомогенизация.

Лесная граница в Сибири

По сравнению со степной границей лесной фронтир имел более размытые контуры. В истории российской экспансии он не разделял географические зоны, а воплощал, прежде всего, борьбу человека с природой, с тяжелым климатом северной Евразии. Постепенное освоение лесов на севере и северо-востоке монахами, крестьянами и князьями было центральной темой средневековой истории Руси. Поскольку плодородные черноземные почвы на границе со степью контролировались кочевниками, малоплодородные земли на севере оставались единственным объектом колонизации. Специфическая форма русского продвижения на чужие территории возникла на северо-востоке в Новгородской городской республике. В поисках ценной пушнины новгородцы завоевали весь север России вплоть до Урала и обложили данью финно-угорских охотников.¹⁶

Непосредственно за этим последовало завоевание и освоение Сибири.¹⁷ В конце XVI и в XVII вв. русские охотники-промысловики, первопроходцы, торговцы и солдаты в поисках ценной пушнины и благородных металлов проникали в лесные области по ту сторону Урала. Как правило, ими двигал частный интерес. В конце XVI в. большую роль в освоении зауральских территорий сыграла купеческая семья Строгановых, а позднее инициатива перешла к первопроходцам, среди которых можно назвать Пояркова или Хабарова. И только потом в Сибирь приходит Московское государство со своими служилыми людьми, которые официально завоевывали земли и строили на них остроги. С первого же похода Ермака ведущая роль в государственном освоении Сибири закрепилась за служилыми казаками различного

¹⁶ См.: Janet Martin. *Treasure of the Land of Darkness. The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia*. Cambridge, 1986; Andreas Kappeler. *Ethnische Minderheiten im alten Rußland (14.-16. Jahrhundert): Regierungspolitik und Funktionen // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1986. Bd. 38. S. 131-151.

¹⁷ George V. Lantzeff, Richard A. Pierce. *Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750*. Montreal, London, 1973; Alan Wood (Ed.). *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London, New York, 1991.

происхождения и категорий. Продвигаясь по рекам, малочисленные русские войска за несколько десятилетий пересекли всю малозаселенную Сибирь и дошли до побережья Тихого океана. Если на юге русскому освоению степи препятствовали кочевники, то на востоке русская экспансия была остановлена Китайской империей, находившейся под властью Маньчжурской династии. Нерчинский договор 1689 г. установил границу между обеими империями.

Экспансия имела экономические цели, прежде всего – ясак, которым облагались коренные этносы. Таким образом, в отличие от степной границы, речь здесь шла не о военном фронтире, а о фронтире усиленной эксплуатации (*extractive frontier*).

В противоположность медленно наступающей степной границе, лесная граница в XVII в. формировалась по классической схеме Тёрнера – стремительно. Шло постепенное заселение Сибири русскими крестьянами, так что уже для XVII в. можно говорить о поселенческом фронтире (*settlement frontier*) на юго-востоке Сибири в районах с благоприятным климатом и плодородными почвами.

Отношение русских к коренным народам Сибири

Между русскими и коренными народами, жившими в лесных регионах Севера и Сибири, пролегла четкая социальная и религиозно-культурная граница. Христиане, представлявшие оседлую культуру пашенных земледельцев, противостояли языческим охотникам и скотоводам.¹⁸ Основная масса коренных народов сопротивлялась московскому завоеванию и подчинению. После разгрома единственного государственного образования, западносибирского Кучумского ханства, малые кланы и роды уже не имели никаких шансов в противостоянии с хорошо вооруженными, готовыми на все русскими отрядами. Поначалу формы подчинения коренных народов были достаточно гибкими, так что им удавалось сохранять свое самоуправление, социальный строй и ценности. Хотя центр, заинтересованный в регулярном получении ясака, неоднократно требовал уважительного обращения с нерусскими народами, источники полны сообщений о произволе и эксплуатации со стороны представителей власти на местах. Столкновения русских

¹⁸ James Forsyth. A History of the Peoples of Siberia. Russia's North Asian Colony 1581-1990. Cambridge, 1992; Yuri Slezkine. Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, London, 1994. Pp. 11-45.

промысловиков, казаков, торговцев и управленцев с нерусскими охотниками напоминают подобные столкновения на американском и канадском фронтах, где хорошо вооруженные европейцы вели жестокую войну с коренным населением, разрушали их естественную среду обитания, истребляли пушного зверя и силой оружия, спаиванием и распространением заразных болезней подрывали их традиционное социальное устройство.

По сравнению с американским фронтиром и другими заморскими территориями, открытыми и осваиваемыми европейскими государствами, дистанция между европейцами и коренным населением Сибири была значительно короче. Уже в средние века русские находились в контакте с этносами Севера, и между ними не пролегали ни моря, ни горные массивы. Русские также принадлежали к лесным народам, и успешно сочетали свое главное занятие – земледелие, с лесными промыслами. Вера в силы природы и духов имела широкое распространение среди русских христиан. Коренные народы Сибири очень редко характеризуются в источниках XVII в. как дикари или варвары и перечисляются каждый по их этнонимам или именуется сообщая, с учетом их важнейшей функции (пушной дани), ясачными людьми, а иногда и иноземцами.¹⁹

Очень редко в XVII в. нехристианские верования становились критерием сегрегации; термин “иноверцы” утвердился только в XVIII в. В отличие от большинства заморских колоний европейских государств, в Сибири долгое время отсутствовал фактор христианизации. Как и в случае с мусульманами, Москва не занималась миссионерством среди анимистов, проживавших на подчиненных территориях. Ценностные системы сибирских шаманистов остались незатронутыми, что напоминает ситуацию с анимистами – финно- и тюркоязычным этносами Средней Волги после разгрома Казанского ханства в середине XVI в.²⁰

Сибирский фронт стал зоной взаимной аккультурации благодаря относительной географической, экономической и культурной близости. Русские мужчины часто брали в жены представительниц коренных народов, что подразумевало переход женщин в православие. Русские поселенцы овладевали сибирскими языками и усваивали местные обы-

¹⁹ Slezkine. *Arctic Mirrors*. Pp. 32-45.

²⁰ Nolte. *Religiöse Toleranz; Kappeler. Rußlands erste Nationalitäten*.

чаи. На северо-востоке Сибири немалое количество русских ассимилировалось с тюркоязычными якутами.²¹

Русские в Сибири

На фронтуре интенсивной эксплуатации (*extractive frontier*) в северной и восточной Сибири возникли многочисленные небольшие пограничные сообщества, включавшие служилых людей, казаков, охотников-промысловиков, торговцев и искателей приключений. Всех их отличал дух первооткрывательства, высокая приспособляемость к сложным природным условиям и местным культурам.

Русские крестьяне юго-западного поселенческого фронта (*settlement frontier*) Сибири, число которых в ходе XVII в. постепенно росло, отличались от массы крестьян европейской части России.²² Их социополитическая организация не знала помещичьего землевладения и крепостного права. В социальной структуре русского населения Сибири отсутствовало, таким образом, поместное дворянство и крепостное крестьянство. Лично свободные крестьяне платили подати государству и выполняли определенные повинности, такие как, например, подводная. Типичная для центральной России передельная община плохо приживалась в Сибири. Это непосредственно сказывалось на экономическом менталитете сибирских крестьян, которых, в отличие от крестьян центральной России, характеризовали собственничество, инициатива и предпринимательская активность. Старожилы Сибири пользовались большей свободой и имели больший экономический достаток, чем крестьяне центральных областей России. С конца XVII в. в Сибирь стали переселяться старообрядцы, бежавшие от преследования государства и церкви. Кроме крестьян, в Сибирь попадали изгнанники и преступники, число которых, начиная с XVII в., постоянно росло.²³

²¹ Slezkine. Arctic Mirrors. S. 43-45, 97-99; Willard Sunderland. Russians into Jakuts? “Going Native” and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s-1914 // Slavic Review. 1996. Vol. 55. Pp. 806-825.

²² Terence Armstrong. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965. Pp. 59-98; В. А. Александров и Н. Н. Покровский. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; Carsten Goehrke. Das “andere” Rußland: Zu Sibiriens Stellenwert in der russischen Geschichte // Berliner Jahrbücher für osteuropäische Geschichte. 1995. N. 2. S. 123-150.

²³ До сих пор отсутствует обзорная работа по истории Сибири, которая бы учитывала современное состояние исследований. Ср.: История Сибири с

В целом, русское население Сибири в раннее Новое время существенно отличалось от своих соплеменников, проживавших в центральных регионах. В силу чрезвычайной удаленности от центральной власти и небольшой плотности заселения, население Сибири пользовалось большей свободой передвижения, и контроль государства был здесь гораздо слабее, чем в центральных областях. В России сформировался миф о твердом, независимом, самостоятельном, инициативном сибиряке,²⁴ который в контексте концепции фронта Тёрнера иногда может служить основанием для сравнения промысловиков, солдат и поселенцев на евразийском “Диком Востоке” с европейскими пионерами на североамериканском “Диком Западе”. В Сибири не сформировалось самоуправления, которое бы выходило за рамки отдельно взятой общины и отличалось в институциональном плане от московских образцов, как это было, например, у казаков. Сибирские казаки, как правило, состояли на службе у московского царя, также как и казачьи войска на южной границе Сибири, созданные государством некоторое время спустя. Тем не менее, сибирские служилые казаки выработали определенные традиции самоуправления, которые на протяжении некоторого времени сочетались с фронтальным менталитетом поселенцев.²⁵ Таким образом, здесь наблюдается взаимодействие двух типов фронта.

Интеграция фронта с начала XVIII в.

Европеизация России, которая началась в середине XVII в. и была ускорена Петром Великим, изменила правила игры на российском восточном и южном фронтах. На правах европейской державы Россия восприняла идеи прогресса и *mission civilizatrice* среди отсталых язычников Востока. Крещение объявляется непременным условием просвещения, а понятие *иноверцы* сменяет собирательный термин *иноземцы*. Россия восприняла также представление о цивилизационном превосходстве Европы и открыто следовала примеру западноевропейской миссионерской политики, стремясь избавиться от упреков в ве-

древнейших времен до наших дней. Т. 1-5. Л., 1968-1969; Ludmila Thomas. Geschichte Sibiriens. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 1982; W. Bruce Lincoln. Die Eroberung Sibiriens. München, Zürich, 1996.

²⁴ Galya Dimant and Yuri Slezkine (Eds.). Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture. New York, 1993; Goehrke. Das “andere” Rußland.

²⁵ Александров, Покровский. Власть и общество. С. 76-85, 309, 351-352.

ротерпимости к многочисленным нерусским подданным империи, которая рассматривалась в просвещенной Европе как симптом отсталости. Начиная с XVIII столетия проводилась целенаправленная принудительная и полупринудительная (с использованием материальных стимулов) христианизация многочисленных анимистов Сибири и Средней Волги. Миссионерская волна затронула также мусульман и буддистов, но большинство из них смогло сохранить свою веру. Экономическое благополучие мусульманских помещиков оказалось подорванным после того, как государство, в период между 1682 и 1718 гг., лишило их всех вотчин, заселенных земледельцами-христианами. Кроме того, при отказе от крещения они утрачивали свой дворянский статус и приписывались к государственным крестьянам или купечеству. В то же время большая часть татарских служилых людей была переведена в категорию лашманов, которые занимались лесозаготовкой для российского флота.²⁶

Одновременно произошло изменение условий на российском степном фронтире. Военное превосходство кочевников было сломлено – одни за другими в политическую и экономическую зависимость от России попадают ногайцы, калмыки, крымские татары и казахи. Военный фронт на Юге России постепенно эволюционирует в поселенческий (*settlement frontier*), имперская “варварская граница” – в освоенную границу (*Erschließungsgrenze*), и начинается заселение восточнославянскими крестьянами плодородного степного черноземья. Наступило время ожесточенной борьбы между восточнославянскими поселенцами и кочевниками за обладание землями на севере степной зоны, которые использовались кочевыми скотоводами в качестве летних пастбищ. В то же время, поселенцы не превращались больше в казаков, а оставались на положении крестьян, некоторая часть которых (в европейской России) были крепостными.

Новая ситуация на степной границе делала излишней военную службу казаков, и в конце XVIII – начале XIX вв. казачьи формирования были интегрированы в состав российской армии в качестве иррегулярных войск. Свободное казачество приручили, и из квазидемократической альтернативы и очага социальной смуты оно превратилось в верного слугу царизма: парадоксальным образом его использовали в качестве усмирителя социально-политических и социально-экономи-

²⁶ Nolte. Religiöse Toleranz; Slezkine. Arctic Mirrors. Pp. 47-71; Kappeler. Rußlands erste Nationalitäten. S. 270-287.

ческих протестов эпохи модерна. Несмотря на описанные изменения, как у казаков, которые получили статус привилегированного военного сословия, так и у (русских) поселенцев Сибири сохранялись социополитические и ментальные особенности, отклонявшиеся от общерусской нормы.

Таким образом, форсированная европеизация России (начиная с Петра Великого) и ее военная экспансия в степных регионах на юге привели к качественным изменениям фронта. Рецепция идеи прогресса и европейской *mission civilisatrice* увеличили разрыв между оседлыми русскими христианами и (кочевым) нерусским населением степей и лесов. Аристократия кочевников уже не рассматривалась как равноправный партнер, а коренное население Сибири с собственными, как правило, равнозначными русским, способами лесного промысла и системой ценностей, лишилось прежнего доверительного к себе отношения. Под воздействием современных нормативных моделей поступательной эволюции человечества от стадии охотников, собирателей и кочевых скотоводов к высшей стадии оседлых землепашцев, охотники и кочевники стали рассматриваться как нецивилизованные дикари, находящиеся на низшей стадии развития. Их нужно было цивилизовывать, превращать в оседлых крестьян и мирных граждан.²⁷ Вместе с потерей фронтиром своего значения как зоны контакта и взаимодействия, росла и дистанция между оседлыми русскими христианами и нехристианскими кочевыми этносами Азии. Политику на своей азиатской границе Россия строила, исходя из принципиального признания цивилизационного превосходства Европы.²⁸ Классический фронт как зона военной конфронтации, экономического и культурного контакта сменился строгим идеологическим фронтиром в головах людей. Решающим критерием сегрегации в XIX в. становится не инаковерие, а чуждые формы повседневной жизни и раса. Об этом свидетельствует новое понятие *инородцы*, сменившее “иноверцев”, которым обозначались не толь-

²⁷ См.: Marc Raeff. *Uniformity, Diversity, and the Imperial Administration in the Reign of Catherine II* // *Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Günther Stökl zum 60. Geburtstag*. Köln, Wien 1977. S. 97-113; Dov B. Yaroshevsky. *Attitudes towards the Nomads of the Russian Empire under Catherine the Great* // A. G. Cross and G. S. Smith (Eds.). *Literature, Lives, and Legality in Catherine's Russia*. Nottingham, 1994. Pp. 15-24.

²⁸ Bassin. *Russia between Europe and Asia*.

ко кочевники и охотники, но и оседлое мусульманское население Центральной Азии и евреи.²⁹

Российский фронтальный опыт обнаруживает запаздывание России по сравнению с остальной Европой, запаздывание, причиной которого была долгая открытость культурной и религиозной границы между русскими и кочевниками или нехристианскими этносами. Хотя Россия начиная с XVIII столетия сознательно перенимала европейские ценности и критерии сегрегации, мусульмане, буддисты и часть анимистов смогли избежать христианизации, равно как и многочисленные крещеные нерусские народы сумели сохранить свои формы повседневной культуры и этническую идентичность вплоть до середины XX в.

Тёрнеровский тезис фронта и Россия

Можно ли использовать аналитический потенциал тернеровского влиятельного и спорного тезиса о фронте, который уже почти столетие вдохновляет американскую историографию, для объяснения истории России? Совершенно очевидны параллели американской и российской истории, особенно в том, что касается географических условий (сложный климат, наличие свободного пространства, открытая граница), подстегивавших мобильность населения. Еще до Тёрнера известный русский историк Сергей Соловьев характеризовал историю России как историю “колонизирующегося государства” и выделял открытость пространства и связанную с ней мобильность населения в качестве центральных элементов развития России. Его не менее известный ученик, Василий Ключевский, а также другие русские историки разделяли эту точку зрения. В этой связи примечательно замечание Марка Бэссина (*Mark Bassin*), который обращает внимание на то, что лояльный подданный и легитимирующий автократию историк Соловьев, в отличие от Тёрнера, связывает этот аспект не с позитивными чертами национального характера, а с полуазиатской квазиоседлостью и вытекающей из нее отсталостью России по сравнению с другими европейскими государствами.³⁰

²⁹ John W. Slocum. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia // *Russian Review*. 1998. Vol. 57. Pp. 173-190; Kappeler. *Rußland als Vielvölkerreich*. S. 140-141, 166, 174, 225.

³⁰ См.: Bassin. *Russia between Europe and Asia*.

Тем не менее, вполне закономерен вопрос о возможности интерпретации азиатской степной и лесной границы России раннего Нового времени в тёрнеровском ключе. Свободное казачество и русские поселенцы в Сибири обладали схожими с американскими поселенцами чертами, такими как вольнолюбие, дух первооткрывательства, смелость, индивидуализм, стремление к самоуправлению и равноправию. В обоих случаях огромную роль играли религиозные меньшинства и секты. Эти пограничные сообщества в раннем Новом времени представляли альтернативу сословно-автократическому Московскому государству и могут рассматриваться (подобно аналогичным сообществам в Северной Америке) как зародыши политической демократии.³¹ Однако эти специфические социополитические структуры и ментальности функционировали исключительно на пограничных территориях и в Сибири и не смогли распространиться на всю Россию. Напротив, расширяющееся абсолютистское государство “настигло” в XVIII – XIX вв. периферийные сообщества, установило над ними свой контроль и интегрировало их, по меньшей мере частично, в сословный строй империи.

Как у казаков, так и у сибиряков вплоть до середины XX в. сохранялись элементы отличной от центра социополитической культуры и фронтирного менталитета. Не случайно, что все значительные регионалистские движения поздней империи начинались как раз среди донского казачества и сибирских интеллектуалов.³² Их удалось подавить только в советское время. Несмотря на предпринимаемые в последние годы попытки возрождения фронтирного менталитета, они не выходят за рамки жанра фольклорного шоу и интеллектуальных прожектов.

³¹ Ср. подходы: Gerhard: *The Frontier in Comparative View*; Wieczynski. *The Russian Frontier*.

³² Carsten Goehrke. *Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorüberlegungen für eine künftige Untersuchung // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1978. Bd. 25. S. 75-107.

SUMMARY

The concept of the “frontier,” conceived by F.J. Turner for North America and applied to Eurasia by O. Lattimore and others, does not refer to a state border, but to a transitional zone between different geographic, socio-economic, political, religious and cultural spaces. From the 15th to 18th centuries, the Russian steppe frontier in the south and southeast was a relatively stable military frontier between the sedentary Christian Russians and the nomadic Muslim Turks and Lamaist Mongols. The frontier was simultaneously a zone of intensive commercial and diplomatic interaction. Only during the 18th and 19th centuries did the steppe frontier become an area of settlement and extraction. Another example, the forest frontier in Siberia, was extractive frontier from the beginning, an area where an economy based on furs and precious metals pushed the frontier rapidly forward. Only its southern sections gradually became a settlement frontier.

On the steppe frontier, Russians and the militarily superior nomads were generally on equal terms through the 18th century, whereas the Siberian indigenes were quickly subjugated by Russia and had to pay tributes in furs. Along the rivers of the steppe frontier, the military frontier communities of free Cossacks emerged on the forest frontier as trappers. Cossacks, traders and settlers developed a “Siberian mentality” of free, enterprising pioneers. So the famous “Turner thesis” can be applied to Russia, but only to the peripheral regions of the Cossacks and Siberia, and not to Russia as a whole.